

НЕЙРОМОДУЛЯТОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ – открытие Российских ученых

Интервью с заместителем генерального директора по науке, директором департамента экспериментальной и клинической фармакологии Холдинга «Отечественные лекарства», автором нейромодуляторной концепции, разработчиком препаратов нейромодуляторного типа – Валентиной Ивановной Ахапкиной.

Корр.: Достижения Российских ученых в области фармакологии чаще сводятся либо к воспроизведению созданного за рубежом, либо к созданию препаратов уже известных групп. В последнее время все чаще слышишь о каких-то новых препаратах нейромодуляторах, например, фенотропиле, которые, якобы, творят чудеса, и что самое удивительное, говорят, что эти препараты впервые разработаны в России, а нейромодуляторная концепция была открыта и сформулирована Вами на основании результатов собственных многолетних исследований. Так ли это и каковы перспективы этого нового направления?

В.И.: Чудеса творит Бог, а мы лишь слабое и весьма неудачное его подражание. Создание нового класса препаратов – это действительно далеко не рядовое событие в медицине. Конкретный случай – это особый предмет гордости. Тут сошлось многое, и триумфальную победу одержал интеллект.

Само понятие «нейромодуляция» в контексте – моделирование (от латинского *modulus* – мера, образец), модель известно уже достаточно давно психиатрам и кардиологам, а в последние годы нашло применение в урологии. В этом процессе под воздействием электрического тока определенной частоты изменяется

активность какой-либо отдельной нарушенной функциональной системы организма, т.е. с помощью электрического тока моделируется восстановление образца здоровой функции через побуждение к работе патологичной, больной в необходимом ритме. Тут есть некоторая некорректность использования термина и правильнее было бы говорить не о нейромодуляции, а о электромедиации или нейромоделировании, но термин уже вошел в обиход в искаженном виде и прижился. В нашем же открытии речь идет о модуляции (от латинского *modulatio* – мерность, размерность), то есть о соразмерном влиянии некоего химического вещества, а не электрического тока, на функциональное состояние центральной нервной системы в целом, и избирательность активности таких веществ проявляется уже в самом организме в зависимости от наличия тех или иных болезней и расстройств или наличия предпосылок к ним. Спектр медицинских дисциплин для применения таких веществ практически не ограничен, поскольку ничто в организме не происходит без участия нервной системы. Нейромодуляторы так же включают и иммунную систему. Необходимо отметить, что они как повышают активность нервной и иммунной систем на их сниженном уровне, так и понижают их активность в случае ее чрезмерности.

Они изменяют при необходимости внутри- и межсистемные структурные взаимоотношения различных функций, структурируя их. Именно поэтому эффекты этих препаратов практически не ощущаются здоровыми людьми и ярко проявляются у больных или в ситуациях напряжения и утомления у здоровых. Лечебное и профилактическое значение таких веществ пока не имеет себе равных. Очень важно, что такие препараты не метаболизируются, то есть не распадаются и не связываются с другими веществами в организме человека и животных, и полностью выводятся из организма в неизменном виде, то есть «мавр» сделал свое дело и ... пошел вон. Эффективность начинает развиваться с первого же приема таких веществ.

Данное открытие и создание нового класса лекарственных средств – нейромодуляторов будет оценено по достоинству, как это водится, далеко не сразу. Мне известно, что некоторые зарубежные компании и ученые уже пытаются взять это на свой счёт и даже присвоить себе авторство, но я сначала подала заявку на изобретение, а затем заявила об этом публично, поэтому приоритет в данном случае за нами, за Россией. Меня удивило и порадовало то, что когда я впервые публично заявила об этих открытии и изобретении в апреле 2006 года,

ожидаю сопротивления коллег, ученые меня дружно поддержали. Как изменилась моя страна и люди в ней за последние годы! Мы можем себе позволить открыто радоваться достижениям коллег. Вот вам и первое чудо трансформации сознания к первоисточнику. Может Вам покажется странным, но меня последнее порадовало гораздо больше, чем само открытие и создание нового класса препаратов. С открытием нейромодуляторной концепции практические врачи получили инструмент к пониманию рационального применения и дозирования таких препаратов, пониманию механизмов их поливалентного и порой, на первый взгляд, парадоксального действия.

Позволю себе заметить с полной ответственностью, что это совершенно новое направление в фармакотерапии и фармакопрофилактике, которое открывает совершенно новые подходы и будет формировать новые взгляды в разделе обеспечения качества жизни современного человека, а упомянутый Вами препарат фенотропил – это только первая «ласточка» и родоначальник нового класса высоко эффективных веществ под названием – нейромодуляторы. Поверьте, мне было не просто сохранить разработку в стране, не допустить утечки информации и материалов во второй половине 80-х и 90-е годы прошлого столетия. Даже вспоминать не хочу о тех, мягко говоря, трудностях.

Корр.: Но, Фенотропил был Вами же заявлен изначально, как ноотропный препарат. Что же изменилось за эти годы и почему он стал родоначальником нового класса? Расскажите историю его создания.

В.И.: Первоначально он был заявлен по закрытому плану, как психостимулятор, потом как ноотроп и только в 2006 году – как нейромодулятор. Так случается, пока наука не накопит достаточного количества достоверной информации, да и кто бы в советские годы дал мне возможность публиковать свои труды и публично выражать свое мнение. Гриф секретности был снят с него, когда я поняла, что секретное в нашей стране в тот период времени перепродавали за рубеж гораздо легче, чем открытые изобретения. Конец 80-х годов и лихие 90-е, действительно были очередным лихолетьем. Рушилось все. Цинизм достиг апогея. От меня требовали некоторые умники то передать материалы исследований на препарат американцам, то итальянцам, то еще кому-то. Надо было обладать не просто мужеством, а неиссякаемой силой воли, чтобы выдержать все нападки и преследования, угрозы. Препарат был спасен для России благодаря тому, что материалы исследований имелись только у меня, а та шелуха, которую делали другие была никому не нужна.

Еще в студенческие годы, а потом на кафедре в Медицинской Академии и затем в Институте медико-биологических проблем я занималась наукой, пытаюсь с помощью различных веществ корректировать состояние центральной нервной системы и наибольший интерес из этих веществ у меня вызывали циклические производные гамма-амино-масляной кислоты (ГАМК), универсального медиатора головного мозга. Сотрудничество с космической медициной началось уже в пору

моей работы на кафедре. Многие ученые и у нас, и в остальном мире «пахали» это поле. Наши ученые в то время были насильственно и напрочь лишены какой-либо амбициозности, тем более коммерческой и могли себе позволять широту мышления только в лаборатории. Все новое давилось армией инквизиторов от науки на корню даже и тогда, когда, не устояв перед их методами воздействия, ученый отдавал приоритет изобретения или открытия им, а самого его могли вообще выбросить из авторов и забыть. Таких примеров не счесть. Потом, отчитавшись в рамках социалистического соревнования в списке научных трудов инквизитора, все приказывало долго жить. Именно поэтому от СССР не звучало в массовом порядке первооткрытий и первоизобретений, хотя во многом именно наши ученые были первыми. Например, мне до настоящего времени не известен транквилизатор эффективнее феназепам. В разработке психостимуляторов сидноиминовой группы так же приоритет был за нами. Сейчас в это трудно поверить, но в Советском Союзе авторы за изобретение получали единовременную выплату в размере 20 рублей. На эти деньги тогда можно было купить семь килограмм шестьсот девяносто два грамма докторской колбасы по цене два рубля шестьдесят копеек за килограмм или четыреста раз проехать в метро. Авторы не имели никаких прав.

Государство присваивало изобретение себе, а ты еще к тому же должен был обивать пороги, доказывая государству и умоляя его в лице его чиновников, что твое изобретение полезно и необходимо государству и народу. При этом тебя ежедневно упрекали в том, что ты занимаешься чёрт те чем и живешь дармоедом, так как не создаешь материальных ценностей: не сеешь, не пашешь, не стоишь у слесарного станка, не являешься рабочим или колхозником. Из года в год, еженедельно по понедельникам на оперативных совещаниях меня публично «пороли» за увлеченность наукой и отставания в социалистическом соревновании, за уклонение от общественной деятельности. Дело дошло до того, что мне было запрещено ездить работать на экспериментальную базу и что либо писать. С моего рабочего стола в административном корпусе убрали пишущую машинку, бумагу, ручки и карандаши, все вычистили и со стола и из тумбочки стола. Я должна была ежедневно с девяти утра и до шести вечера сидеть на стуле за пустым столом и ничего не делать. Всем было запрещено со мной разговаривать. Партгруппоргу было поручено следить за мной все это время и демонстративно вытирать пыль с моего стола несколько раз на дню. Она исполняла возложенные на нее обязанности послушно и добросовестно. Ровно в девять утра по селекторной связи строгим голосом большой начальник интересовался пришла ли я на работу, а ровно в шесть вечера – не ушла ли я, так как только в шесть часов и одну минуту я имела право покидать здание административного корпуса. Я поиграла в эту игру два дня, а на третий уехала работать в лабораторию, решив, что пусть уволят. Не уволили. Потом правда придумывали новые и новые экзекуции с требованием быть скромнее, но видимо слухи дошли до академика, потому что он вдруг настойчиво и чаще чем обычно стал интересоваться моими делами. Я неизменно

отвечала, что все хорошо, он хитро прищурился и говорил: ну-ну, а мне докладывали противное. Потом с рабочим визитом наш Институт посетил один мой высокопоставленный родственник и меня вообще на некоторое время оставили в покое. Почему-то председатель парткома, хотя я не была членом партии, упрекал меня в том, что я никому не сообщила о наличии такого родственника, а родственник упрекал и пытался добиться от меня информации: что со мной происходит и все ли у меня в порядке. Я никогда никому не жаловалась и никогда никого не о чем не просила, и в свои проблемы и дела никогда никого не посвящала. Если честно, то это даже не приходило мне в голову. Мне вообще повезло, я работала на передовых рубежах родины, ко мне с большим вниманием и заботой относились наши старики – основоположники космической медицины, а у моих мучителей не было власти вычистить мой мозг, как мой рабочий стол. Правда им удалось похитить мою диссертацию вместе со всеми черновиками и уничтожить мою карьеру советского ученого, но это меня волновало меньше всего. Мы тогда были «впереди планеты всей» в области балета и в космосе. Мы мечтали о полетах на Марс и усердно готовили марсианскую программу. Вопреки всему мне удалось создать группу единомышленников из действительно выдающихся ученых, которые ни разу за эти долгие годы меня не предали и помогали, чем могли. Я была счастлива. Дружим и поддерживаем друг друга и поныне.

В 80-е годы двадцатого века ноотропная концепция стала, как бы теперь сказали, новым хитом в медицине от УСВ (Бельгия). Это был удачный пиар ход. Каких-либо существенных научных доказательств жизнеспособности этого броского и хорошо организованного коммерческого предприятия не предоставлено до сих пор. Тем не менее тогда это было новое слово в фармакологии, получившее широкое распространение и всестороннее изучение именно в СССР. Я уверена, что если бы не исследования Советских ученых и не Советский рынок потребления, то пирарцетам уже давно бы потерял свою актуальность лекарственного средства, сохранив себя лишь как научный пример сравнения. Гораздо ранее пирарцетама в СССР был разработан фенибут, но его разработчикам не удалось «пробить» новый класс лекарственных средств, хотя все понимали и отчетливо видели, что фенибут не является транквилизатором. Видимо им их покой и некое благополучие были дороже истины и это тоже их право. Каждый выбирает свою дорогу и строит свою судьбу сам. По ноотропной активности фенибут более эффективнее пирарцетама и в отличие от пирарцетама обладает комплексом весьма полезных свойств. Я тоже пошла на временный компромисс, чтобы не загубить дело жизни окончательно и мне было легче заявить фенотропил как ноотроп, тем более что по ноотропной активности ему нет равных до сих пор. Создать новый класс лекарственных средств тогда мне бы точно не удалось. От этого поступка меня спасла собственная педантичность и дотошность в собирании научных доказательств для формулирования новой концепции.

Но, даже наличие громких имен в соавторах и происхождения фенотропила из космической отрасли

не помогло. Я готова была поставить в соавторы кого угодно, лишь бы добиться его промышленного внедрения. Как-то меня пригласил к себе директор нашего Института академик Олег Георгиевич Газенко и с горечью, разведя беспомощно руками сказал: препарат не пойдет и я тут бессилён, забудьте о препарате, так надо, мне приказано забыть и я Вам тут больше не помощник. Я не стала выяснять, кому это надо, и так все было ясно. Эта ясность меня и привела в гнев. Мне препарат такого уровня был нужен в первую очередь для пилотируемых космических полетов и именно с этой целью он разрабатывался, поскольку в мировой фармакологии не было вещества с необходимой активностью для достижения определенных целей и требуемым уровнем безопасности. Я получила наглядный пример недобросовестной конкуренции в социалистическом соревновании с включением административного ресурса системы. Куда уж дальше, если столь влиятельная фигура, как наш академик, была бессильной. Вычислить противника труда не составляло. Фенотропил являлся конкурентом по психостимулирующей активности сиднокарбу, за которым стояла непререкаемая в фармации фигура мэтра, автора единственного в советской стране справочника лекарственных средств. При чем не просто конкурентом, а убийственным конкурентом в сравнении с психостимулирующей активностью и уровнем безопасности применения. Предчувствуя возможность противостояния, я специально не включила в материалы результаты сравнительного исследования фенотропила с сиднокарбом и правильно сделала, потому что, как оказалось позднее именно это и дало возможность разрулить ситуацию во спасение фенотропила. Я решила для себя, что не отступлюсь и академик по моему взгляду это понял. Так мне пришлось стать воином. Моим оружием были понимание значимости разработки, генетическое отсутствие чувства карьеризма в сочетании с несгибаемым характером в купе с дипломатичностью, подкрепленных хорошим воспитанием. Если бы речь шла о какой-то заурядной разработке, то я бы конечно не стала тратить время и силы на борьбу, но ничего подобного мировая фармакология не имела, это был настоящий прорыв. Исследования на собаках при моделировании «срыва высшей нервной деятельности», когда животное необратимо «сходит с ума» и нет такого препарата в мире, который бы предотвращал развитие трагических событий Не было до рождения фенотропила! Так была поставлена последняя точка в моей убежденности в правоте.

При первом визите в Фармакологический Комитет мне куратор тогда совершенно открыто и цинично заявил: препарат не пойдет! О препарате забудьте! Досье с материалами сданы в архив. Когда препарат сдан в архив, то воскресить его уже никто и ничто не может.

Меня от этой борьбы отговаривали все, начиная от академика О.Г. Газенко и заканчивая соратниками, но меня уже остановить было невозможно. После беседы с председателем Фармкомитета досье из архива достали. Еще один умный человек встретился по дороге. Была ситуация, когда Фармкомитет уже разрешил и утвердил на президиуме проведение клинических исследований

и мне об этом тут же сообщили по телефону с поздравлениями, но буквально через 15 минут перезвонили и вновь разочаровали: приехал к концу заседания мэтр и все отменил. Мне уже было не избежать прямого разговора с мэтром. Меня вновь и вновь отговаривали ему звонить и говорили, что он меня не примет, что он даже слышать не хочет мою фамилию, что когда речь заходит о фенотропиле и обо мне, он приходит в такое раздражение и ярость, что лучше мне этого не видеть и не слышать.

К чести мэтра, надо сказать, что он был умнейшим человеком и видимо был заинтригован восстанием мухи против слона. Я ему позвонила и он тут же, без всяких предисловий назначил мне аудиенцию, я даже ничего не успела сказать. После личной встречи и довольно продолжительной беседы, не стесняясь, в моем присутствии он продемонстрировал мне свою власть, позвонив председателю Фармкомитета и сказав буквально следующее: я вот тут беседую с изумительным, не безызвестным тебе созданием, запускайте фенотропил на клинику. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Этой встрече предшествовали четыре года изнурительной борьбы с экспертами различных мастей и направлений, исполняющих приказ и одновременно сочувствующих мне. Прежде чем идти к титану на поклон, мне надо было добиться, чтобы все лжезаклучения экспертов Фармкомитета были переписаны на объективные. Практически неразрешимая задача, но без этого разговаривать с ним было бы бесполезно. Детективные истории нанизывались как бусы на нитку. Наверное это был первый случай в СССР, когда разработчик потребовал проведения независимой экспертизы специалистов, не являющихся членами Фармакологического Комитета Министерства Здравоохранения СССР. Как ни странно, но это сработало. Мне повезло, материалы направили независимым экспертам в Санкт-Петербург или тогдашний Ленинград. Я не могла себе представить, что эта история уже широко обсуждается научной общественностью и за ней многие пристально следят. Направление материалов на независимую экспертизу было обставлено Фармкомитетом в строжайшей секретности, но мир, как известно, не без добрых и порядочных людей и в один из поздних вечеров в моей квартире раздался междугородний звонок. Звонили из Питера. Звонивший человек представился и сказал, что он назначен председателем независимой экспертной комиссии по моему делу. Разговор был очень коротким. Он спросил у меня, чего я хочу, какого заключения. Я ответила, что меня интересует только правда и объективность, больше мне ничего не нужно. Он рассмеялся и сказал: ну, это просто, мы тут Вами гордимся, не сдавайтесь, бороться действительно есть за что.

Пожалуй впервые была создана единственная группа веществ, активность которых доказывается не прямыми, а косвенными фармакологическими эффектами и их совокупностью. Хотя и я, будучи в то время молодым ученым находилась под некоторым влиянием ноотропной концепции, но меня и тогда многое в ней не устраивало, а методика транскаллозальных потенциалов в моем понимании была дорогой в никуда.

Чем больше накапливалось результатов исследований на животных и с участием человека, тем больше сомнений в отношении ноотропов у меня возникало. Я пыталась их объединить, выявленным у них адаптогенным эффектом и тема моей диссертации была этому посвящена. Однако, применение адаптогенной концепции хорошо для фундаментальной науки и практически здоровых лиц, но как только мы начинаем ее интерпретировать на больной организм, то все рассыпается. Мы, медики, не можем себе позволить поражение, признав что процесс лечения и выздоровления есть процесс адаптирования организма к болезни и его затем смиренное с болезнью сосуществование. Взаимоотношения организма с источником болезни есть яростная борьба и эта борьба блестяще описана, почитаемым мною, великим ученым двадцатого столетия Г.Селье. Организм порой проигрывает, но жизнеспособный организм побеждает в этой войне, должен побеждать. Так предопределено природой при естественном отборе. Выживает сильнейший, слабые гибнут. Мы, человечество и тут «пошутили» сами над собой, искоренив естественный отбор самих себя и это уже не обратимо, и это в конечном счете привело к необходимости массивного расширения поиска разных лекарств для нашего спасения. Нам уже не суждено узнать нормы биологического здоровья, полученной при естественном отборе и мы малоспособны к выживанию без лекарств. Конечно тут можно долго рассуждать о первичности яйца или курицы, но эти рассуждения схоластичны и не продуктивны. Имеем то, что имеем и отталкиваемся от того, что имеем. В противном случае наука не будет развиваться.

Я ставила перед собой задачу создания вещества, которое сможет вскрывать резервы организма без их истощения и будет являться универсальным ключиком к этой потайной двери, как на ее открывание, так и закрывание в нужный момент. Я понимала, что это вещество либо само должно быть двойным и состоять из биологически активных и зеркально отраженных молекул-антиподов, либо сами радикалы молекулы вещества должны иметь собственные, не зависящие пространственно друг от друга радикалы, дающие возможность молекуле менять в биологической среде свою пространственную ориентацию и как бы подстраиваться под среду при любых ее изменениях, иметь как липофильные, так и гидрофильные свойства, а во внешней среде такое вещество или его комбинация должно быть инертным. Кажется удалось получить сразу и то, и другое, и третье.

По сравнению с другими Институтами у нас были уникальные возможности исследований с участием человека. Чем дальше, тем больше я понимала недостатки ноотропной концепции в том виде, как она существует, но именно существование этой концепции помогло мне докопаться до истины, действуя от обратного. Ноотропная активность не может являться предтечей иных эффектов, скорее наоборот, поскольку высшие интегративные функции головного мозга и играют огромную роль в приспособительных реакциях, но и до их эволюционного формирования существовала биологическая жизнь достаточно сложных форм. Фактически любая болезнь может расстроить

в той или иной степени память, но препараты только улучшающие память, не лечат болезнь, вызвавшую опосредованно расстройство памяти. Правда, чтобы все это доказать, необходимо было получить столь уникальное вещество, которое теперь многим известно под названием фенотропил.

История его синтеза тоже имеет свои интересности. По нашему заданию химики синтезировали многие десятки веществ, включая и производные пирролидона, или циклической формы ГАМК. Некоторые из них были интересны с точки зрения клиники, но не устраивали меня как специалиста, занимающегося коррекцией функционального состояния человека применительно к условиям космических полетов различной продолжительности, где требования к препаратам гораздо выше и жестче, чем в наземной медицине. Перепробовано было, казалось все, но желаемого результата достичь не удавалось. В 1978 году, при встрече с группой химиков профессора Ю.И. Баукова, я попросила их попробовать синтезировать ассиметричное вещество с включением фенильного радикала в положение четыре пирролидинового кольца с сохранением стандартного карбамоилметилового компонента в молекуле. У меня были свои соображения и рассуждения, основанные на знаниях физики и электрохимии, которые я никогда не игнорировала, а физика всегда являлась моим любимым предметом. Встречены эти мои рассуждения были без энтузиазма, приводились доводы о несостоятельности моей гипотезы. Тем ни менее мне удалось уговорить выполнить мою просьбу хотя бы и ради смеха. Дальнейшее показало перспективность нестандартного мышления. Полученное вещество при первых же исследованиях не только сбивало с толку, но ломало все устоявшиеся каноны. Оно работало практически на всех моно патологических моделях, демонстрируя диаметрально противоположную активность. Сочетание, например, психостимулирующего и противосудорожного или психостимулирующего и анксиолитического эффектов. Мы получили то, чего казалось бы по всем канонам быть не может. Я уже не говорю о мощно выраженном ноотропном действии, которое, если честно, интересовало меня меньше всего. Нужны были сложные полимодели, несущие в себе не отдельные моно расстройства, а их максимальный комплекс с набором неврологических и психических симптомокомплексов, как сниженной, так и повышенной функциональной выраженности. Могло случиться так, что при сложных комплексных патологиях фенотропил бы «замолчал» или проявил только какой-то один эффект. Тогда моя нейромодуляторная концепция потерпела бы фиаско на примере фенотропила. Мы взяли две сложных модели острого инсульта, тем более что известно не только об отсутствии эффективности у ноотропов при инсультах, но и противопоказанности их применения при инсульте различной этиологии. Эффект на экспериментальных моделях ишемического и геморрагического инсульта превзошел ожидания. Сомнений не было, фенотропил именно нейромодулятор, а все его иные компоненты действия, включая и ноотропный, проистекают из нейромодуляторной активности. Теперь не надо оправдываться и бормотать что-то невнятное относительно его эффективности при эпидемии гриппа, лечении алко-

голизма, простаты, сексуальных расстройств, зрения, воспалительных процессов, нарушениях кровообращения не только центрального характера, но и периферии. Это вещество конечно пока не идеально, но лучшего пока нет и мы теперь знаем куда стремиться. Иммунотропные свойства этого препарата еще предстоит изучать. Пока совершены в этом направлении первые шаги, но и они обнадеживают.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что фенотропил не является ноотропным препаратом или антидепрессантом, психостимулятором, анксиолитиком, анальгетиком, нейролептиком, антигипоксантом, антиконвульсантом, адаптогеном. Он является первым нейромодулятором, за которыми наверно будущее медицины на ближайшую перспективу лет в пятьдесят. Именно из его нейромодуляторной активности проистекают все его компоненты эффективности. Одновременно он показан и для лечения по любому из выше перечисленных компонент.

Корр.: Если нейромодуляторы столь разноплановы, то не стоило ли провести исследования и в отношении изучения их влияния на возможность лечения таких болезней как ВИЧ инфекция или профилактика заболевания гриппом, при онкологии?

В.И.: Я могу только сожалеть о пассивности специалистов по СПИДу и вирусным заболеваниям, которые игнорируют пока исследования этого вещества в своих областях. Если был бы получен даже отрицательный результат, то и это дало бы пищу для дальнейшего осмысливания. Известно, что в науке любой результат есть положительный, так как дает возможность продвижения и определения границ безопасности. Вся надежда только на молодых ученых таких же упорных и бесстрашных, как были мы в совсем не простой период нашей истории. В вирусологии исследовать фенотропил сложнее. В пробирке навряд ли удастся получить какой-либо результат влияния на активность вирусов, а именно эти методики там являются скрининговыми. Переступать через стереотипы сложно. В данном случае необходимо присутствие целого организма и изучение опосредованного влияния, если таковой будет выявлен. То, что касается онкологии, то он уже вызвал интерес у специалистов для его применения с целью повышения порога болевой чувствительности, что резко сокращает прием наркотических анальгетиков, либо снижает их дозы и корректирует побочные действия, а также с целью повышения качества жизни. В экспериментальных исследованиях этот препарат предотвращает рост злокачественных опухолей и увеличивает продолжительность жизни онкологически больных животных, но положительные результаты экспериментальных исследований на животных ни раз терпели поражение в клинических исследованиях на примере иных препаратов. Эта та редкая область медицины, где результаты экстраполировать априори невозможно даже предположительно. Необходимы специальные исследования в клинике. Нейромодуляторная концепция в фармакологии только приоткрыла краешек занавеса к новым достижениям.

Корр.: Каков же круг использования нейромодуляторов и в частности фенотропила?

В.И.: Круг широк. Это психиатрия, неврология, терапия в самом широком смысле, наркология, экстремальная медицина и т.д. Я не буду в рамках данного интервью перечислять конкретные болезни и расстройства, при которых уже доказана эффективность применения нейромодуляторов на примере фенотропила. Для этого есть специальная литература. Я согласилась на интервью только с одной целью, чтобы из первых уст донести до наших сограждан правду о некоторых наших отечественных достижениях и показать на своем примере, что никогда не надо опускать руки и не бояться плыть против течения. В этом году исполнился ровно 31 год от даты моей задумки синтезировать это вещество. Учтите, что почти 15 лет из них пришлось просто выживать, 4 года бороться против чиновничьего произвола. Так что только 12 лет были посвящены исключительно науке в данной области, но и они были со сплошными преодолениями человеческой глупости и зависти. Именно поэтому я любила работать в праздники, выходные и летом, когда все отдыхали и никто не мешал. Вот и вся арифметика. Сколько бы можно было сделать замечательного без войн разного калибра и масштаба.

Корр.: Валентина Ивановна, как по Вашему мнению, не отбросит ли нынешний мировой финансовый кризис науку в положение 90-х годов?

В.И.: Нашу Российскую науку дальше уже некуда отбрасывать. Она как держалась на энтузиастах, так и держится. Академическая наука конечно вновь начнет страдать, так как за последние пять лет она немного оперилась за счет государственной подпитки и вливаний крупного бизнеса, который только начинал приобретать некие контуры цивилизованности, но с ослаблением и нестабильностью рубля, бизнес стал играть на курсовой разнице валют, финансовые институты заняты тем же. За 15 лет мы пока даже не пытались преодолеть порочный круг нефтяной зависимости и не занялись созданием своей промышленной базы во всех жизненно необходимых промышленных отраслях, обеспечивающих независимость, стабильность и процветание государства. Знаете, когда финансисты и аналитики начинают хором убеждать в выгоде слабого рубля, своей национальной валюты, то это даже не смешно. Представьте себе доктора, который радуется нарастающей день ото дня слабости больного от методов лечения этого самого доктора. Представили? А теперь сами сформулируйте необходимые действия больного, попавшего к такому доктору.

Я бы очень хотела увидеть свою Россию гордой, независимой и самодостаточной. Пять лет определенной стабильности одним махом смел уже доллар. Чего ждем? Когда американская экономика начнет подниматься? Она то начнет, в этом пока сомнений нет, а вот с нами что будет? Не пора ли направить собственные природные ресурсы на развитие самих себя, строительство своей промышленности? Нам Америка всем дала помимо своей воли еще один шанс. Сможем

ли воспользоваться, захотим ли? Ситуация для России уникальная, если голову приложить.

Корр.: Если не секрет, расскажите как Вы пришли в бизнес.

В.И.: Как все, от очередной безысходности. Спасала разработки, но последнее время я бизнесом не занимаюсь. Только наука. Мне встретились молодые, энергичные и надеюсь порядочные партнеры – бизнесмены. Так что я, сохранив весь потенциал, с большим удовольствием передала им свой бизнес в готовом виде. Будет жаль, если они не устоят в теперешних условиях.

Корр.: Но Вы могли просто продать свои разработки, так поступили в лихие 90-е годы многие, или уехать с ними же из страны.

В.И.: Могла, но это не мое. Моя земля и родина тут. Все уедем, так кто останется? В порыве отчаяния конечно ни раз приходилось думать об этом, тем более, что предложений было много, но тут гордость русского человека на дыбы вставала. Плохо это или хорошо, судить не мне, но я такая как есть. Такой трудной жизни я никому не пожелаю, но у нас по другому пока невозможно. Пусть каждый думает сам и сам выбирает свою дорогу. Я не осуждаю ученых, которые покинули страну и понимаю их. От хорошего никто бы не побежал. Я знаю, что наши специалисты были лучшими. Зарубежные в наших условиях просто бы не выжили, но наша нация уже устала выживать целый век к ряду и катастрофически истощен генофонд. Тут даже нейромодуляторы могут быть бессильны против бесконечного множества различных «но», да и купить их, может так стать, будет просто не на что большинству.

Корр.: Подводя итог нашей встречи, хочу спросить у Вас: так стояла ли такая борьба даже и столь выдающегося изобретения? Жизнь ведь, как известно, коротка.

В.И.: Разве был другой выход? Фенотропил – это только побочный продукт глобальных исследований формирования концепции в части коррекции биологической системы, правда продукт получился уникальный в своем роде. Наука конечно без меня бы прожила, но я без нее уже была бы не я и не была бы интересна даже сама себе. Потом, это же колоссальная энергетическая подпитка, когда ты знаешь, что результат твоей работы приносит буквально практическую пользу миллионам людей. Фенотропил помогает теперь справляться в некоторых ситуациях и там, где ранее медицина была практически беспомощна или малоспособна. Каждый шаг вперед, это же позитивно. Я бы не смогла топтаться долго на одном месте или двигаться назад. Мне надо шагать вперед, пусть даже и по спирали. Мне так интересно жить. Кроме науки я же еще и перевыполнила всю человеческую программу: деревья посадила много, дом построила, детей вырастила. Моя история жизни это только еще одно подтверждение верности тезиса – «дорогу осилит идущий».

*Беседу вела корреспондент журнала «Поликлиника»
Екатерина Чурсина*